

Люди и Фигуры

Два года назад в беседе с корреспондентом "МК" Леонид Генрихович Зорин признался, что теперь играет в шахматы только с мастером Гиком. И на сей раз, прежде чем начать разговор, мы сыграли непременною партию. Подобно гроссмейстеру Смыслову наш славный писатель "не теряет удара", не говоря уж о том, что в юбилейном году он выпустил два тома прозы и две премьеры в Театре имени Ермоловой.

Разумеется, знаменательная дата Зорина (3 ноября ему исполняется 70!) могла быть отмечена в любой из рубрик "МК" — и литературной, и театральной, и телевизионной, и в кинорубрике, но ведущий "Людей и фигур" проявил наибольшую мобильность.

— Прежде всего, Леонид Генрихович, мне хочется поздравить вас с семидесятилетием — событием радостным.

— Что и говорить...

— Настаиваю на своем эпитете. Одолеть в наше время такую лестницу — немалое дело, и вас не должно удивить приглашение в рубрику "Люди и фигуры". Вы — и Человек, и Фигура.

— Надеюсь, не тяжелая?

— Скажем, весомая. Мне хочется начать с очень важного для меня вопроса.

— Постараюсь ответить.

— Вы вступили в Союз писателей в семнадцатилетие. Вы написали сорок одну пьесу, пятнадцать сценариев, шесть книг прозы. Известно, что много десятилетий вы работаете без воскресений. Откровенно — вы не жалеете, что именно так проживаете жизнь?

— Жалею, и часто. Но что толку? Жить другому мне не с руки. Конечно, в занятиях литературой должно быть что-то и от игры. Для меня же она была не только радостью — моей обязанностью. Что тут поделаешь? Это наша отечественная традиция с ее тяжеловесным миссионерским пафосом.

— Что вы сами считаете своими главными работами?

— В прозе, пожалуй, романы "Странник" и "Злоба дня". В драматургии — "Медную бабушку" и "Пропаший сюжет". В кино — "Транзит" и "Покровские ворота". Но если быть совсем точным, то главная книга — "Авансцена (записки драматурга)".

— Разве она уже вышла? Скажите о ней чуть подробнее.

— Она выйдет будущим летом в издательстве "Слово", я тесно с ним связан. Это, по сути дела, мемуарный роман. Моя первая книжка вышла в 34-м, когда мне было десять лет от роду, стало быть, "Авансцена" обнимает шестьдесят лет. В ней пройдут и события, и интересные люди, которых я повидал немало, — артисты, писатели, режиссеры и политические деятели. Одним словом, хочу вытащить на авансцену советский век, в котором я жил.

— Так как вы упомянули о политических деятелях, я хочу вспомнить вашу главную

пьесу "Пропаший сюжет". Я ее и читал, и видел на сцене. Не считаете ли вы, что в ней происходит — особенно благодаря блестящему исполнению Андреевым главной роли — расчет с политикой как таковой?

— Хороший вопрос. В "Пропащем сюжете" я отрицаю насилие во имя идеи. Никакая идея не

Мок. комсомолец. - 1994. - 29 окт. - с. 7.

Литератор — ХОРОШЕЕ СЛОВО

стоит жертв. Недаром Розанов писал, что "в революции нет радости". Но я не страшусь того развития этой темы, которое прозвучало в ваших устах. Политика — важная сфера жизни, и без нее не обойтись. Но идти в нее могут особые люди, обладающие особыми качествами. Политическая деятельность невозможна без повседневных компромиссов. Но тут рукой подать до компромиссов моральных. Политику приходится то и дело и улыбаться негодям, и пожимать руки прохвостам. Это не проходит бесследно.

— Насколько я вас знаю, да и если судить по вашему творчеству, вы, безусловно, относитесь к людям демократических убеждений. Не поколебались ли они за последнее время?

— Мои убеждения, если сознаться, не столь демократические, сколь либеральные. Демократия, как известно, подразумевает диктат боль-

шинства, а я никогда не мог поверить, что самые мудрые решения принимаются большинством голосов. Совсем недавно Верховный Совет доказал нам, как оно опасно.

— Что обусловило в конечном счете его поражение год назад?

— Полагаю, что голубой экран. Но не тот, который господа депутаты так страстно хотели ликвидировать, а тот, которого они добились. Стоило только парламентариям показаться в передачах "Останкино", или Российского телевидения, или в родном "Парламентском часе" у коммунистической блондинки, как зрители приходили в ужас.

— Но нельзя сказать, что и нынешние власти предрешающие производят чарующее впечатление...

— В горькие дни прощания с Дмитрием Холодовым газета, которую вы представляете, обнародовала речь Бурлакова. Ошеломительный документ. Выяснилось, что заместитель министра не умеет на родном языке толком связать хотя

бы два слова. Но разве же один он таков? Начальников такой выделки вдосталь! Возможно, других мы не заслужили, но этим трагически не хватает духовных опор в борьбе с искушениями. Конечно, плебейство многообразно, не обязательно косноязычно, оно может и бойко молотить языком, но все-таки существует связь между безграмотностью и беспардонностью.

— Затрону другую важную тему. В своем романе "Странник" вы утверждаете, что, когда национализм переходит из теории в практику, он становится разрушительным. Но ведь очень часто мы с вами слышим о "просвещенном национализме".

— Причем от очень достойных людей. Но согласиться с ними мне трудно. Ни одно прилагательное не может облагородить это страшное имя существительное.

— Но для многих людей это слово — чуть

ли не синоним патриотизма, о котором они говорят так часто.

— Не только говорят. Даже вопят. Но патриотизм — чувство интимное. Когда им клянутся на площадях и трибунах, ясно, с чем мы имеем дело. В любви прилюдно не объясняются.

— Понятно, что национализм заполняет какой-то вакуум. Чем можно его вытеснить? Религиозностью?

— Не уверен. После взятия Варшавы русской армией Шопен назвал бога москалем. А те, кто отказывался от христианства в пользу более славянского Перуна, называли бога жидом.

— И ревностные христиане бывают не чужды ксенофобии. Вспомним академика Шафаревича и его декларацию о злокозненном "малом народе".

— История жестоко — и иногда очень быстро — мстит таким господам. Теперь, когда в иных ближних странах русские люди стали — совсем по Шафаревичу — таким же злокозненным "малым народом" с точки зрения "коренной национальности" и подвергаются тем же ущемлениям и обвинениям, я не хотел бы оказаться на месте академика.

— Что такое национализм? Болезнь?

— Возможно. Мы живем в странное время: сегодня все перевернулось. Телевидение показало удивительный сюжет. В Осетии, в доме душевнобольных, попавшем в зону военных действий и брошенном его персоналом, находящиеся на лечении и предоставленные сами себе осетины и ингуши трогательно заботятся друг о друге, друг другу достают пропитание, ухаживают один за другим. Перед оператором они сидели обнявшись. Теперь скажите, кто здоров, кто помешан? И где настоящие душевнобольные?

— Поскольку ваша "Авансцена" имеет подзаголовок "Записки драматурга", я все же вернусь к драматургии. Руководитель Театра Ермоловой Владимир Алексеевич Андреев одну за другой поставил две ваши пьесы — "Пропаший сюжет" и "Союз одиноких сердец". Второй спектакль, как известно, собрал призы на Всероссийском фестивале комедии. Увидим ли мы третью совместную работу?

— Надеюсь. Андреев приступает к репетициям "Измены".

— Отдадим теперь дань нашей рубрике, тем более что вы поклонник Каиссы. Что вы думаете о расколе в шахматном мире?

— Я думаю, что хотя Ленин призывал размежеваться, не обязательно следовать этому призыву. У шахмат должен быть один чемпион, а не два или три. Карпов — разумный и трезвый человек, он не может не понимать, что его не сочтут истинным чемпионом, пока он не выиграет у Каспарова матч. Стало быть, нужно играть друг с другом, прервать бессмысленную конфронтацию. Странно все же, ведь шахматисты должны бы считать себя счастливыми, обладая объективным критерием оценки. Можно сказать, что Шекспир — плохой драматург (Лев Толстой так и делал), но если черный король заматован, невозможно сказать, что черные выиграли. Это громадное преимущество шахмат над очень многими сферами жизни.

— Знаете ли вы, что из-за вашего фильма "Гроссмейстер" у меня лет десять назад были неприятности? Упомянув его в статье, я был уличен в желании протащить в массы имя диссидента Корчного, играющего в картине одну из главных ролей...

— У всех у нас были сложности с этим фильмом. А неприятности были у Корчного...

— Леонид Генрихович, вы пишете пьесы, романы, рассказы, сценарии, эссе... Как все-таки вас называть?

— Называйте меня литератором. Литератор — это хорошее слово.

— И последний вопрос. Что дороже всего?

— Время. Нет ничего дороже. Не теряйте ни единой минуты.

Леонид Зорин объясняет шахматному обозревателю "МК", а также своему другу гроссмейстеру Марку Тайманову, как нужно играть в шахматы. (Трактовка фотографии с героем беседы не согласовывалась.)